

Куркин Б.А., Мурашкина О.В.
Пространство и время (хронотоп) трагедии А.С.
Пушкина «Борис Годунов» и актуальные проблемы
коммуникации
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 3. С. 3–11.

Kurkin B.A., Murashkina O.V.
The time and the space (chronotope) of Pushkin's
tragedy «Boris Godunov» and actual problems of
communication
Language and Text langpsy.ru
2018, vol. 5, no 3, pp. 3–11.

Пространство и время (хронотоп) трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» и актуальные проблемы коммуникации

Куркин Б.А.,

*Доктор юридических наук, профессор кафедры
Международного права
Юридического института ТГТУ,
эксперт Германской службы академического обмена (DAAD),
Тамбов*

Мурашкина О.В.,

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры языковой подготовки кадров
ИГСУ РАНХиГС, Москва*

В статье анализируются вопросы пространства-времени (хронотопа) и жанра «Бориса Годунова» А.С. Пушкина. Авторы исследуют сущность исторических событий, происшедших четыре столетия назад и продолжающих происходить сегодня. В основе исследования лежат методы философской герменевтики и феноменологии.

Ключевые слова: хронотоп, жанр, понимание, интерпретация.

Для цитаты:

Куркин Б.А., Мурашкина О.В. Пространство и время (хронотоп) трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» и актуальные проблемы коммуникации [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №3. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Kurkin_Murashkina.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Kurkin B.A., Murashkina O.V. The time and the space (chronotope) of Pushkin's tragedy «Boris Godunov» and actual problems of communication [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru]*, 2018, vol. 5, no. 3. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n3/Kurkin_Murashkina.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

«Бориса Годунова» А.С. Пушкина традиционно относят к жанру трагедии. Именно в качестве таковой понимал свое творение и сам автор произведения. Такое понимание сложилось с самого выхода «Годунова» в свет и остается таковым и по сию пору. По умолчанию. Исключения – уникальны. Так, Н.Ф. Филиппова, ссылаясь на первоначальное название пушкинской трагедии – «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве», писала о том, что «жизненное содержание “Бориса Годунова” слишком объемно, чтобы можно было уложить его в рамки одного жанра, тем более — традиционного. Каким образом, — спрашивала Филиппова, — “беда” воспринималась как “комедия”?» И отвечала на свой вопрос так: «Но разве в самой этой борьбе за престол, борьбе-игре не было и комического — горького и смешного одновременно? О подобном “смешении родов комического и трагического” как закономерном для драмы Пушкин говорил в заметке “О трагедии”, набросанной в 1825 г. во время работы над “Борисом Годуновым”» [20, с. 79].

Такой аргумент из числа литературоведческих курьезов. Ведь еще в 1889 году известный историк-литературовед М.И. Сухомлинов приводил слова рецензента «Бориса Годунова» (предположительно, Ф.В. Булгарина) о том, что «в начале Русского Театра, в 1705 году, комедией называлось какое-нибудь происшествие историческое или выдуманное, представленное в разговоре» [19, с. 219]. И это высказывание рецензента тиражировалось впоследствии в работах советских филологов, причем со ссылками на работу Сухомлинова [9, с. 212].

Тем не менее, вопрос о жанровой принадлежности пушкинского «Бо-риса» к трагедии, являет собой неприметную на первый взгляд загадку или по крайней мере недосказанность.

Представляется, что ответ на данный вопрос можно получить, внимательно проанализировав пространство-время произведения, его «хронотоп», по выражению М.М. Бахтина.

Хронотоп в литературе, писал Бахтин, «имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время» [2, с. 235].

Попытаемся рассмотреть жанр «Бориса» в соответствии с утвердившейся в мировом литературоведении точкой зрения, согласно которой суть трагедии представляет собой борьбу героя с Роком. Как отмечает известный швейцарский исследователь А. Боннар, «трагический конфликт — это борьба с фатальным: задача героя, затеявшего с ним борьбу, заключается в том, чтобы доказать на деле, что оно не является фатальным или не останется им всегда. Препятствие, которое предстоит преодолеть, воздвигнуто на его пути неведомой силой, против которой он беспомощен и которую он с тех пор называет божественной. Самое страшное наименование, которым он наделяет эту силу, — это Рок» [7, с. 84].

Именно борьбу героев с Роком увидел в пушкинском «Борисе Годунове» Э.В. Вацура: «... «мнение народное», слух, убеждение, крепнущее от сцены к сцене, в драматургическом отношении здесь эквивалентно античному “року”, лицом к лицу с которым поставлен царь Борис. Именно это делает конфликт трагическим; подобно античным трагическим героям, Борис как личность, индивидуальность вступает в борьбу с судьбой, с необходимостью и должен погибнуть, каков бы ни был смысл его личной деятельности» [8, с. 562 – 563]. «“Борис Годунов”, – заключает автор, – тяготеет к художественной структуре античной трагедии» [8, с. 573].

Точку зрения Э.В. Вацура разделяет и И.В. Коровин: «В ходе художественного анализа Пушкин пришел к выводу, что один из главных законов истории — ее стихийность, иррациональность и зависимость от Рока, Судьбы, выступающая в различных формах, в том числе и религиозной. Это относится и к Борису Годунову, и к народу.

Борис Годунов, независимо от его личных качеств и способностей к государственной деятельности, заранее обречен на гибель. Если в трагедиях Шекспира действие определяет конфликт личностей, то в пушкинской трагедии Борис не является жертвой боярских интриг, Самозванца или предводителей польской интервенции. В трагедии нет личности, которая по своему масштабу могла бы сравниться с Борисом Годуновым» [13, с. 265].

С этим едва ли можно согласиться. То, что понимается Э.В. Вацура под «роком», есть не что иное, как следствия совершенного однажды деяния – убийства царевича. При этом каждый последующий шаг Бориса отнюдь не является фатальным: царю открыт путь покаяния, и отказ от него – следствие его свободного выбора. То же самое относится и прочим героям пушкинского «Годунова», например, обласканному царем Басманову. Он также волен оставаться верным присяге, но в целях самосохранения и «народного блага», как он его понимает (возможно, лукавая – даже пред самим собой), идет на измену. Нет, у героев «Годунова» всегда есть выбор – трудный, мучительный, сопряженный с риском для жизни, но свободный. Роковыми обстоятельствами можно назвать лишь глад и мор, которые пережили при Годунове русские люди.

«Рок» в «Годунове» отсутствует как таковой, однако произведение не перестает признаваться и быть трагедией. Очевидно, что критерий «всесильной Судьбы» не может являться доминантным признаком трагедии.

Как подчеркивала Я.В. Погребная, «Конфликт трагедии античности изображал столкновение Человека и Рока, показывал невозможность свободного выбора, непреодолимую власть судьбы... В «великих трагедиях» Шекспира трагическое начало заключается не в роковой обреченности героя, а как раз в возможности свободного выбора: следовать фатально определенному типу поведения или отказать от него» [18, с. 221].

До Погребной сходную мысль выразил А.А. Аникст. «В трагедиях Шекспира, – отмечал он, – нет места для судьбы или какой-нибудь иной сверхъестественной силы, обрушивающей несчастья на человека. Единственным источником трагического в его драмах является зло, которое человек причиняет своими действиями другим или самому себе» [1, 343].

Итак, хотя тема рока и в драматических произведениях Шекспира, таких как «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Ричард III», «Антоний и Клеопатра», «Отелло», не звучит, однако их принято считать трагедиями, в то время как «аналог» «Отелло» – «Маскарад» М.Ю. Лермонтова – считается «драмой», равно как «Гроза» и «Бесприданница» А.Н. Островского. Действительно, в «Маскараде», «Грозе» или «Бесприданнице» герои (точнее, героини) гибнут, но к трагедиям эти произведения не относят, ибо, как говорится в полицейских протоколах, налицо убийство на чисто «бытовой почве».

Более широкое определение трагедии дает третье издание Большой советской энциклопедии: «“ТРАГЕДИЯ” (греч. *tragodia*, буквально – козлиная песнь, от *tragos* – козёл и *ode* – песнь), драматический жанр, основанный на трагической коллизии героических персонажей, трагическом её исходе и исполненный патетики; вид драмы, противоположный комедии. Трагедия отмечена суровой серьёзностью, изображает действительность наиболее заостренно, как сгусток внутренних противоречий, вскрывает глубочайшие конфликты реальности в предельно напряжённой и насыщенной форме, обретающей значение художественного символа; не случайно большинство Т. написано стихами» [5].

Согласно такому определению, «Борис Годунов» полностью соответствует формальному определению, ибо налицо патетика и конфликт.

Рассмотрим этот вопрос подробнее. Любопытно, что как дореволюционные, так и советские филологи характеризовали «Бориса Годунова» исключительно в качестве социально-политической трагедии.

«Центр тяжести трагедии Бориса, по Пушкину, — писал Д.Д. Благой, — лежит в социальных отношениях эпохи. Не поединок между Борисом и самозванцем, а другая, более сложная и глубокая борьба, борьба социальных сил — самодержавия, боярства, дворянства, народа — составляет истинный предмет пушкинской трагедии. И именно эти-то социальные отношения, борьбу социальных сил с замечательной яркостью и, в основном, с не менее замечательной пронизательностью Пушкин и развертывает в своей пьесе» [4, с. 147]. То же самое писал Благой и для взрослых в 1931 году [3, с. 58].

Как трагедию «политическую и историческую» характеризовал «Бориса Годунова» С.Н. Бонди [6, с. 192]. «Это не пьеса о Борисе Годунове как “трагическом герое” или о Григории Отрепьеве — это прежде всего драма, воспроизводящая исторические события» [6, с. 192].

В качестве «социально-исторической и социально-философской реалистической трагедии» рассматривал пушкинского «Годунова» Б.П. Городецкий [10, с. 6].

В свою очередь Ю.М. Лотман писал, что «“Борис Годунов” — трагедия, проникнутая одновременно духом политической злободневности и верностью изображаемой эпохе» [15, с. 106].

Наиболее радикальную и оригинальную точку зрения на принадлежность пушкинского «Бориса» к жанру трагедии высказала Г.В. Москвичева, утверждающая вслед за перечисленными нами авторами, что произведение Пушкина – «трагедия политическая» [17, с. 55].

По ее мнению, «изображая события “смутной поры” и опираясь на конкретные исторические факты, Пушкин интуитивно, художнически шел к пониманию главного противоречия эпохи. Оно определило подлинно трагический элемент в судьбе Годунова. Но и в системе изображенных в

трагедии событий исторический конфликт в русской драматургии развернут впервые на реалистической основе как “трагическая коллизия между исторически необходимым требованием и практической невозможностью его осуществления” [17, с. 67].

Определяя суть трагической коллизии «Годунова», автор ссылается при этом на письмо Энгельса Лассалю от 18 Мая 1859 года, превращая Пушкина чуть ли не в пророка истмата [21, с. 495].

Безусловно, социально-политические моменты в пушкинской трагедии присутствуют. Весь вопрос в том, являются ли они единственными или, по крайней мере, самодовлеющими. Не обедняем ли мы смысл и содержание «Годунова», понимая данное произведение как исключительно историко- и социально-политическое, в лучшем случае с «вкраплениями» в него тем морали и большой совести?

Перечисленные нами авторы пишут о Смутном времени, но каковы в таком случае его отличительные черты? Смута – это, прежде всего, смута в умах и сознании людей, в первую очередь, сознании религиозном. Это утрата авторитетов, оскудение в народе веры и небрежение к Христовым заповедям, и – как неизбежное следствие – следствие девальвация моральных ценностей. Результат катастрофичен: невозможность даже силовыми методами обеспечивать общественный порядок и сдерживать усиливающийся хаос в сознании людей и общественно-политической жизни в целом. Об этом писали русские авторы XVII века, труды которых – жития святых, летописей и временников, сказаний, повестей, посланий – использовал Пушкин в своей трагедии. Следует только читать ее внимательно, обратив внимание на смысл изображенных в произведении чудес, почерпнутых из тех же источников.

Такая документальность говорит о том, что изображаемый Пушкиным в трагедии мир и есть тот самый мир, в котором живут и автор, и читатель «Годунова», то есть мы с вами.

Чудеса, описанные Пушкиным в «Борисе Годунове» (беседа умирающего царя Феодора с «мужем светлым»), нетленные мощи убиенного царевича, прозрение старца по молитве Димитрию), – это прямое указание на сосуществование и проявление взаимодействия двух миров: духовного («тонкого») и земного, горнего и дольного. И не только в пространстве его трагедии, но и в нашей с вами практической повседневной жизни. Соответственно, история предстает в трагедии не только и не столько в виде комбинаций и некой равнодействующей человеческого своеволия в форме столкновения и взаимодействия социально-политических сил («самости», на языке православных богословов), а в виде Провидения, т.е. Промысла Божьего.

И нет ничего удивительного в том, что русские дореволюционные и советские авторы сознательно замалчивали тему чуда в «Борисе Годунове». Но если умалчивание столь важного аспекта трагедии в советские времена можно отнести на счет государственной политики атеизма, то объяснить игнорирование этой темы подданными православного царя невозможно иначе, как их убежденностью в «несущественности проблемы» и внутренним неприятием всякого рода «поповских сказок», а также следованию идейной моде дореволюционной поры, господством позитивизма в науке, атеистичного по своей природе.

Таким образом, понимание и трактовка трагедии напрямую зависят от того, как смотреть на все происходящее в трагедии: в свете Евангелия или через оптику исторического позитивизма, истмата. Религиозное и материалистическое прочтение трагедии дадут два совершенно разных результата, даже если интерпретировать ее социально-политические аспекты.

Во втором варианте для исследователя останется закрытым источник всего происходящего и сущего – воля Божия во всей ее непостижимости.

При религиозном прочтении «Бориса Годунова» будет меняться, расширяясь, не только его хронотоп: трагедия получает иное измерение, иной модус.

Все происходящее в трагедии предстанет при таком прочтении в качестве своеобразного наложения вины народа на вину Бориса. Виновны все. И каждый по-своему. Расплата за грехи становится неотвратимой.

Ряд исследователей, ссылающихся на слова пушкинского Пимена, ставит в вину народу избрание царя-святоубийцы. Дело, однако, значительно тоньше. Народ, погрузившийся в тяжкие грехи, о чем свидетельствуют слова Варлаама о наступлении последних времен, смотрит на избрание царя как на знатную потеху:

Вся Москва
Сперлася здесь; смотри: ограда, кровли,
Все ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народом.

Утрачено даже элементарное благочестие: ведь Кресту поклоняются. Эта пушкинская деталь глубоко символична, поскольку именно на Кресте и Евангелии, целуя их, русские люди присягали царю. Пушкин показывает нам, что эта клятва верности Кресту, на котором примостился народ, вскоре будет с легкостью попрана и уже заранее считается за ничто. Все лицемерят. Вскоре ситуация будет описываться известной формулой: «Кругом измена, трусость и обман». И начнется гражданская война.

На этом фоне даже смерть Бориса не выглядит из ряда вон выходящей трагедией, хотя и ее вкупе с душевными муками героя было бы достаточно, чтобы причислить пушкинское произведение к жанру трагедии. Не становится чем-то особо трагическим и ужас народа от деяний клеветников грядущего царя-самозванца. Народ уже ошибся один раз в выборе царя, что же экстремально трагического в том, что он ошибся с выбором царя еще раз?

Бесспорно, трагической является гибель семьи Годунова – юного царя Феодора и вдовы Бориса, однако отечественное литературоведение предпочитало не заострять внимание на этой теме, явно памятуя о злодейском убийстве последнего русского царя, его семьи и ее верных слуг. Но ведь сказано же было: «Не прикасайтесь помазанным моим» (Пс. 104:15)! Развитие и обсуждение данного события, перекликавшегося с событиями, описанными Пушкиным, было крайне нежелательным в отечественной историографии и политическом обиходе.

Трагична гибель царевича Димитрия? Но она остается «за кадром» и предшествует развитию сюжета. Как справедливо отмечал И.В. Киреевский, «трагедия Пушкина развивает последствия дела уже совершенного, и преступление Бориса является не как действие, но как сила, как мысль» [11, с. 144].

Так в чем же тогда трагедия?

Ответ на этот вопрос заключается, по нашему мнению, в том, что Пушкин адресует читателя к итогам Смуты, хорошо ему известным – полному распаду государства Российского и ужасам гражданской войны и вторжению иноземцев. Рухнула Русь – опора Православия, Третий Рим, каковым мыслили русские люди свое царство-государство. А если Четвертому Риму не бывать, то, стало быть, настает «последние времена», о которых и говорил пушкинский Варлаам, сиречь царство антихристово и конец света. Вот это уже настоящая трагедия! В этом движении к концу земной истории история о царе Борисе и Гришке Отрепьеве является лишь началом, первым актом развернувшейся на Руси и у Пушкина катастрофы. Пушкинские герои еще не знают, что итогом их своеволия станет именно это. Но это знает просвещенный читатель.

В качестве аргумента в пользу такого понимания трагедии можно привести и первоначальное название, которое дал своему боговдохновенному труду Пушкин: «О настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве», имевшей подзаголовок «Летопись о многих мятежах и пр. писано бысть Алексашкой Пушкиным в лето 7333, на городище Ворониче».

Для нас важно слово «настоящей». Как отмечается в Словаре древне-русского языка И.И. Срезневского, «“Настоящий” имеет значение “надвигающийся”, “предстоящий”, “настигающий”, “угрожающий”» [16].

Пришествие на Москву Самозванца, воспринимаемого к тому же русскими людьми, включая пушкинских героев, в качестве законного царя, трагедией быть никак не могло. Точнее, не могло

восприниматься ими в качестве таковой. Что ж, бояре подло извели род Годунова, но ведь это порывался сделать и сам народ. Оттого-то столь многозначно, неопределенно и разнородно пушкинское «безмолвие народа».

Трагедия «Борис Годунов», являвшаяся строго исторической, а не художественной фантазией на тему русской Смуты, каковой была, например, трагедия А.П. Сумарокова «Димитрий Самозванец», невольно наводила и наводит на эту мысль, которая была понятна читателю пушкинской поры без дополнительных разъяснений.

Вот эта надвигающаяся на Русь беда – гибель Третьего Рима со всеми ее ужасами – и есть сердцевина пушкинского творения, которое с полным правом можно называть трагедией. Однако она, изображенная поэтом, остается за рамками сюжета произведения. Она подразумевается, но она реальна и неотвратима, она близ.

Так хронотоп «Бориса Годунова» расширяется, выходя за текстуальные рамки произведения. Иными словами, смысловой и содержательный хронотоп трагедии шире хронотопа ее текста.

Такой ракурс рассмотрения пушкинского произведения рождает вопросы коммуникации читателя и текста, способности читателя усвоить и освоить художественное пространство «Бориса Годунова» и верно интерпретировать его.

В свое время французский феноменолог М. Мерло-Понти ввел в философский оборот категорию «опыта мира», который, подобно кантовской трансцендентальной апперцепции, лежит в основе всего человеческого познания. Этот «опыт мира» как опыт, переживаемый субъектом, первичен по отношению к какому бы то ни было знанию, включая и научное. А посему освоение литературного текста будет являть собой сложнейшее взаимодействие субъекта, наделенного своими знаниями и опытом с текстом художественного произведения, в силу чего хронотоп последнего может расширяться или сужаться.

«...Искусство и философия вместе являются как раз не произвольными изготвлениями в универсуме «духовного» («культуры»), а контактом с бытием, именно потому, что они суть творения. Бытие — это то, что требует от нас творения, для того чтобы мы могли его постичь.

Осуществить анализ литературы в этом смысле: в качестве вписывания в бытие» [22, с. 248].

Так что все по сути зависит от духовного опыта читателя.

О том же писал в своей книге известный советский режиссер Г.М. Ко-зинцев. «Так называемая “эпоха” в трагедии, — отмечал он, — не замкнутое историей время, а открытое историей пространство; все — движение, прошлого вовсе нет; древняя тьма вползает в будущее; угасший свет надежды вспыхивает, разгорается; всё в пути.

Куда? Дороги назад, вспять, в праисторию; пути вперед, дальше, круче, за горизонт. В неведомой точке времена пересекаются: прошлое угрожает стать будущим, а будущее уже было. Кто сказал, что автор отражает старину? Он вмешивается в современность» [12, с. 114].

Эти слова полностью применимы к пушкинскому «Борису Годунову», ставшему частью нашей жизни, не до конца еще осознанной. Все последующие события и катастрофы в истории России оказываются уже описанными в пушкинской трагедии». Начав писать художественное произведение о конкретно-исторических событиях, что явствует из первоначального названия произведения «Бориса Годунова», Пушкин, оставаясь верным духу русской истории, вышел на вневременной уровень, создав вещь, равно значимую для России во все времена, поскольку пространство пушкинской трагедии охватывает и душу каждого отдельного героя и народа в целом.

«Борис Годунов» — это вещь о вечной борьбе, происходящей в человеческом сердце между Богом и дьяволом, о неизбежной расплате за грех покушения на незримый небесный правопорядок, как отмечалось ранее настоящими авторами [14, с. 91 – 103]. Пушкинская трагедия – это вещь об искушении прельститься мятежным словом вместо того, чтобы жить по Христовым заповедям, о «матрице» истории вековой России, ее катастрофичности и способности народа преодолевать с Божьей помощью последствия бедствий.

Литература

1. Аникст А.А. Творчество Шекспира. М.: Художественная литература, 1963.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
3. Благой Д.Д. Социология творчества Пушкина. Этюды. Второе дополненное издание. М.: Кооперативное издательство «Мир», 1931.
4. Благой Д.Д. Историческая трагедия Пушкина «Борис Годунов». // Пушкин А.С. Борис Годунов. М.: Государственное издательство детской литературы, 1957.
5. Большая Советская Энциклопедия (БСЭ). Третье издание. М.: Советская энциклопедия. 1969 – 1978.
6. Бонди С.М. Драматургия Пушкина // Бонди С.М. О Пушкине: Статьи и исследования. — М.: Худож. лит., 1978.
7. Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 1. От Илиады до Парфенона. М.: Искусство, 1991 – 1992.
8. Вацуро В.Э. Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов // Пушкинская пора: Сб. статей. СПб: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000.
9. Винокур Г.О. Собрание трудов. Комментарий к «Борису Годунову» А.С. Пушкина. Труды. М.: Лабиринт. «Брандес», 1999.
10. Городецкий Б.П. Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов». Комментарий. Л.: Просвещение. Ленинградское отд., 1969.
11. Киреевский И.В. Обзорение русской литературы за 1831 год. «Борис Годунов» // Пушкин в прижизненной критике (1831-1833). Ларионова Е.О. (ред.). СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2003.
12. Козинцев Г.М. Пространство трагедии. Дневник режиссера. М.: Искусство, 1973.
13. Коровин И.В. «Судьба человеческая, судьба народная»: о смысле трагедии «Борис Годунов» // А.С. Пушкин. Борис Годунов: Тексты, комментарии, материалы, моделирование уроков: Науч.-метод. пособие для вуза и школы / Под ред. Старыгиной, И.П. Карпова. М.: ВЛАДОС, 1999.
14. Куркин Б.А., Мурашкина О.В. Тема народа в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов». Язык и текст. 2018 Т. 5, № 2. С. – 91 – 103.
15. Лотман Ю. Пушкин: Очерк творчества // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960—1990. Санкт-Петербург: «Искусство – СПб», 2003
16. Матеріалы для Словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Трудъ И.И. Срезневскаго. Томъ второй. Санктпетербургъ, Типографія Императорской Академіи наукъ, 1902.
17. Москвичева Г.В. Некоторые вопросы жанровой специфики трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Болдинские чтения. [1985]. Горький, 1986.
18. Погребная Я.В.: История зарубежной литературы Средних веков и эпохи Возрождения: учебно-методическое пособие. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014.
19. Сухомлиновъ М.И. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Том 2. С.-Петербургъ. Изданіе А.С. Суворина, 1889.
20. Филиппова Н.Ф. Народная драма А. С. Пушкина «Борис Годунов». М.: Книга, 1972.
21. Энгельс — Фердинанду Лассалю, 18 Мая 1859 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 29. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962.
22. Merlaeu-Ponty M. Le visible et l'invisible. Paris, Gallimard. 1964.

The time and the space (chronotope) of Pushkin's tragedy «Boris Godunov» and actual problems of communication

Kurkin B.A.,

*Doctor of Law, Professor of International Law, Law Institute TSTU,
expert of the German Academic Exchange Service (DAAD).
Tambov*

Murashkina O.V.,

*PhD (Philology), Assistant Professor at the department of foreign languages for civil servants at
the Institute of Civil Service and Public Administration, RANEPА, Moscow, Russia*

The article is dedicated to analysis of the time- space (chronotope) and genre of A.S. Pushkin's «Boris Godunov». The Authors analysis the essence of the historical events not only four centuries old but repeat themselves throughout modern times. The Authors a using methods of philosophical hermeneutics and phenomenology in their research.

Keywords: chronotope, genre, understanding, interpretation.

References

1. Anikst A.A. Tvorchestvo SHekspira. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1963.
2. Bahtin M.M. Voprosy literatury i ehstetiki. Issledovaniya raznyh let. M.: Hudozhestvennaya literatura», 1975.
3. Blagoj D.D. Sociologiya tvorchestva Pushkina. EHtyudy. Vtoroe dopolnennoe izdanie. M.: Kooperativnoe izdatel'stvo «Mir», 1931.
4. Blagoj D.D. Istoricheskaya tragediya Pushkina «Boris Godunov. // Pushkin A.S. Boris Godunov. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo detskoj literatury, 1957.
5. Bol'shaya Sovetskaya EHnciklopediya (BSEH). Tret'e izdanie. M.: Sovetskaya ehnciklopediya. 1969 – 1978.
6. Bondi S.M. Dramaturgiya Pushkina // Bondi S.M. O Pushkine: Stat'i i issledovaniya. — M.: Hudozh. lit., 1978.
7. Bonnar A. Grecheskaya civilizaciya. T. 1. Ot Iliady do Parfenona. M.: Iskusstvo, 1991 – 1992.
8. Vacuro V.EH. Istoricheskaya tragediya i romanticheskaya drama 1830-h godov // Pushkinskaya pora: Sb. statej. SPb: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij proekt», 2000.
9. Vinokur G.O. Sbranie trudov. Kommentarij k «Borisu Godunovu» A.S. Pushkina. Trudy. M.: Labirint. «Brandes», 1999.
10. Gorodeckij B.P. Tragediya A. S. Pushkina «Boris Godunov». Kommentarij. L.: Prosveshchenie. Leningradskoe otd., 1969.

11. Kireevskij I.V. Obozrenie russkoj literatury za 1831 god. «Boris Godunov» // Pushkin v prizhiznennoj kritike (1831-1833). Larionova E.O. (red.). SPb.: Gosudarstvennyj Pushkinskij teatral'nyj centr v Sankt-Peterburge, 2003.
12. Kozincev G.M. Prostranstvo tragedii. Dnevnik rezhissera. M.: Iskusstvo, 1973.
13. Korovin I.V. «Sud'ba chelovecheskaya, sud'ba narodnaya»: o smysle tragedii «Boris Godunov» // A.S. Pushkin. Boris Godunov: Teksty, kommentarii, materialy, modelirovanie urokov: Nauch.-metod. posobie dlya vuza i shkoly / Pod red. Staryginoy, I.P. Karpova. M.: VLADOS, 1999.
14. Kurkin B.A., Murashkina O.V. Tema naroda v tragedii A.S. Pushkina «Boris Godunov». YAzyk i tekst. 2018 T. 5, № 2. S. – 91 – 103.
15. Lotman YU. Pushkin: Ocherk tvorchestva // Lotman YU. M. Pushkin: Biografiya pisatelya. Stat'i i zametki, 1960—1990. Sankt-Peterburg: «Iskusstvo – SPB», 2003
16. Materialy dlya Clovarya drevne-russkago yazyka po pis'mennym" pamyatnikam". Trud" I.I. Sreznevskago. Tom" vtoroj. Sanktpeterburg", Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk", 1902.
17. Moskvicheva G.V. Nekotorye voprosy zhanrovoj specifiki tragedii A. S. Pushkina «Boris Godunov» // Boldinskie chteniya. [1985]. Gor'kij, 1986.
18. Pogrebnaya YA.V.: Istoriya zarubezhnoj literatury Srednih vekov i ehpoi Vozrozhdeniya: uchebno-metodicheskoe posobie. Stavropol': Izd-vo SKFU, 2014.
19. Suhomlinov" M.I. Izsl'dovaniya i stat'i po russkoj literatur'e i prosv'etshcheniyu. Tom 2. S.-Peterburg". Izdanie A.S. Suvorina, 1889.
20. Filippova N.F. Narodnaya drama A. S. Pushkina «Boris Godunov». M.: Kniga, 1972.
21. EHngel's — Ferdinandu Lassalyu, 18 Maya 1859 g. // Marks K. i EHngel's F. Sochineniya. Izdanie vtoroe. T. 29. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1962.
22. Merlaeu-Ponty M. Le visible et l'invisible. Paris, Gallimard. 1964.